

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

М. Дерябина

К новой организации жизни общества и экономики

(О книге Н. В. Смородинской «Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу»)

В работе рассматриваются основные идеи книги Н. В. Смородинской, затрагивающие произошедшие и только намечающиеся изменения в мировом общественном и экономическом укладе. Главный вектор исследования — формирование нового, сетевого уклада и реформатирование на этой основе организации современной экономики и общества. Показана логика смены жестких иерархических моделей управления, механизмов координации свободного рынка на горизонтально-сетевые формы организации. Возникающее новое институциональное пространство опирается на развитое сетевое взаимодействие. В центре внимания два главных тренда: феномен коллаборации на всех уровнях экономики (включая так называемую «тройную спираль» — коллаборацию государства, науки и бизнеса); организационно-управленческое оформление коллаборации — кластерные сети. Показан опыт использования кластерно- сетевого подхода в промышленной политике в различных регионах мира. Наконец, актуальность сетевого уклада оценивается в контексте модернизации российской экономики.

Ключевые слова: иерархический уклад, сетевой уклад, коллаборация, кластерные сети, инновационная экосистема, горизонтальные связи.

JEL: F230, F290, L100, L220, L500.

Необходимость фундаментально трансформировать стратегию развития России признается практически всеми. И публичные, и узкопрофессиональные дискуссии последнего времени посвящены поиску сценариев перестройки экономики и социальной системы нашей страны, их адаптации к «новой нормальности», новому равновесию. При этом сторонники конкурирующих концепций в принципе едины в понимании общих, но, по существу, расплывчатых целей: изменение модели и достижение устойчивости экономического роста; проведение активной инвестиционной политики; создание благоприятной предпринимательской среды, в том числе для малого и среднего бизнеса; повышение уровня жизни населения. Сами по себе эти цели, конечно, должны присутствовать в новейших разработках, однако стержнем новой стратегии развития они не могут служить. В мире наступил период глубоких цивили-

Дерябина Марина Александровна (deryabina.marina@rambler.ru), к. э. н., главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва).

лизационных сдвигов, без осмысления которых нельзя выстроить реально действующую стратегию развития экономики и общества. Упомянутые цели в таком проекте будут выполнять функцию необходимого инструментария.

Другой аспект предстоящей трансформации: можно ли и в каких пределах реформировать экономику России, не меняя модельную конструкцию всего общества? И вновь приходится признать, что современный мировой опыт свидетельствует о движении в сторону нового мироустройства. Оно характеризуется не только усилением инновационных процессов, широким распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — всего, что обычно понимают под экономикой знаний, но и формированием новых законов и ценностей, порой отрицающих привычные «правила игры» индустриальной эпохи.

Новые тренды развития

Предчувствие нового мира можно было уловить в научных работах, посвященных отдельным, но, как оказалось, ключевым проблемам жизни общества и экономики (Кастельс, 2000; 2016; Drucker, 2001; Болтански, Кьяпелло, 2011). В сферу особого внимания переместились такие вопросы развития, как сетевые взаимодействия, взаимовыгодное сотрудничество (коллаборация), особые инновационные взаимосвязи государства, науки и бизнеса, кластерная организация реального сектора и интенсификация горизонтальных связей в производстве и управлении, перестройка крупных иерархических структур. Нельзя сказать, что все эти тренды появились лишь в связи с формированием информационного общества и постиндустриальной экономики. Так, сетевые принципы организации, сотрудничество и взаимовыгодные отношения были известны в различные периоды человеческой истории (см.: Кропоткин, 2007; Олескин, 2015; Полтерович, 2016). Но только в условиях перехода к современной парадигме инновационного развития, адекватной макроэкономической динамике и форм организации бизнеса и управления черты нового миропорядка и мироустройства приобретают системный образ. В связи с этим монография Н. В. Смородинской «Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу» (Смородинская, 2015) заслуживает пристального внимания.

Для прояснения сути нарождающейся цивилизации автор анализирует новейшие тенденции в сфере организации мирового и регионального хозяйства. Причем все главные тренды рассматриваются и в теоретическом, и в практическом плане. Автор ставит задачу: «Вычленив тенденции будущего из неопределенностей настоящего» (Смородинская, 2015. С. 10–11). Как и многие зарубежные и отечественные исследователи, автор считает, что именно сетевой уклад рано или поздно станет главным в организации общества и экономики, позволит реформировать сложившиеся в индустриальную эпоху иерархии производства и управления, коренным образом изменить характер экономических систем, перестраивая производственную кооперацию и рыночную координацию и повышая значимость горизонтальных взаимодействий.

Сетевой уклад, сетевое взаимодействие на всех уровнях общества и экономики отражают общее усложнение социальных и производственных систем на постиндустриальной, информационной стадии развития, для которой характерно постоянное, непрерывное обновление вне зависимости от временных и географических границ. Этот уклад вобрал в себя, быстро и прагматично освоил главные современные тренды. Назовем лишь основные. Современные цифровые технологии, ИТ, по всеобщему признанию, глубоко преобразуют всю систему коммуникаций в обществе и экономике. Собственно для экономики

принципиально важна возможность *коренным образом изменить систему рыночной координации*. Незыблемость достаточных для неоклассического и неоинституционального анализа форм рыночной координации — иерархической модели, базирующейся на административных методах управления, и модели традиционного рынка, регулируемого через ценовой механизм, — существенно поколеблена возможностями интерактивных коммуникаций. Агенты рынка, производители и потребители, получили возможность вступать во взаимодействие непосредственно, через веб-сайты или с помощью иных форм коммуникаций. Средства ИТ позволяют также индивидуумам, физическим лицам, выходить в своих коммуникациях за юридические и организационные рамки фирм, создавать коалиции по интересам. Это постепенно меняет институциональную среду, способы производственно-хозяйственной кооперации, позволяет разнообразить и индивидуализировать связи, рестраивать систему посредников в рыночной координации.

Еще один важный тренд, технически связанный с предыдущим, но имеющий самостоятельное значение для развития именно сетевого уклада, заключается в *расширении возможности согласованных действий*, которые можно противопоставить традиционной конкуренции. Действительно сложные современные изделия и технологии создаются и удерживаются на рынке за счет кооперации и сотрудничества. Широко распространенные в мире инновационные консорциумы и альянсы часто включают компании-конкуренты (Гаррет, Дюссож, 2002)¹. Сотрудничество и кооперация диктуются не только собственно производственными связями, но и необходимостью постоянно обмениваться явными и неявными знаниями, принимать согласованные решения, подстраивать локальные интересы под общие цели. Интерактивные формы сотрудничества в подобной сетевой кооперации получили название «коллаборация» (collaboration) (Gloor, 2006). Таким образом, сетевой уклад и коллаборация стали для автора рассматриваемой книги главными аспектами при анализе институциональной среды инновационной экономики и общества (Смородинская, 2015. Гл. I–II).

Сетевые взаимодействия и феномен коллаборации

Если в развитой индустриальной экономике инновационные процессы (обновление) сосредоточивались в рамках отдельных компаний, обеспечивая им важные конкурентные преимущества, то в современном мире инновации не только изменились сами, превратившись в непрерывный обновленческий поток (continual innovation), но и потребовали адекватных изменений в организации компаний и их рыночных взаимодействий. Возникла новая институциональная среда (Смородинская, 2015. С. 56). Коллаборация как общий принцип такого взаимодействия выходит за рамки производственной кооперации и обеспечивает постоянное формальное и неформальное взаимодействие субъектов рынка в соответствии с совместно вырабатываемыми и соблюдаемыми всеми правилами. Коллаборация как совместная деятельность в общих интересах

¹ Недавно стало известно о намерении крупнейших технологических компаний совместно работать в сфере создания искусственного интеллекта. Корпорации Amazon, DeepMind/Google, Facebook, IBM и Microsoft объявили о создании некоммерческой организации «Партнерство по искусственному интеллекту на благо людей и общества». У каждой компании имеются серьезные разработки в области искусственного интеллекта. Однако они осознают необходимость партнерского сотрудничества для лучшего понимания используемых технологий и их значения для развития общества (Коммерсантъ. 2016. 29 сент.).

и для решения общих задач означает добровольное сотрудничество юридически независимых участников (Thomson, Perry, 2006). Можно сказать иначе. Коллаборация — это особая среда деловых коммуникаций, включающая взаимодействие как внутри производственного сектора (межфирменные сети), так и между реальным сектором и другими институциональными пространствами (межорганизационные сети). Коллаборация и сетевой уклад, таким образом, взаимозависимые и взаимоопределяющие, как форма и содержание.

Пространства коллаборации различны. Помимо известных сетей производителей, потребителей и посредников, Смородинская рассматривает то, что специфично для постиндустриальной инновационной экономики, а именно коллаборацию государства, науки и бизнеса (так называемая тройная спираль, см. ниже) и инновационные кластеры. Известные еще со времен плановой экономики, но неизменно терявшиеся в хозяйственной практике «связи науки с производством» активизировались с помощью различных организационных форм. В ситуации, когда производство и наука составляли самостоятельные институциональные секторы, даже настойчивые инициативы государства не могли обеспечить их постоянное взаимодействие. Такие взаимодействия стали возможны в постиндустриальной экономике, когда сформировались соответствующие предпосылки. Во-первых, они возникли в производственном укладе: генерация знаний и инноваций уже не выступает исключительной функцией науки, а создание материальных и прочих благ — исключительной функцией бизнеса. Важно, что контроль над экономическим ростом и развитием перестал быть исключительной функцией государства (Смородинская, 2015. С. 62)². Во-вторых, поддержание сетевых взаимодействий как постоянного интерактивного диалога и согласований между партнерами, то есть коллаборации, обеспечивается с помощью беспрепятственных широких ИТ-коммуникаций.

В последнее десятилетие активизировалось теоретическое осмысление коллаборации государства, науки и бизнеса в разных формах. В зарубежной литературе продвигается теория так называемой модели тройной спирали (Triple Helix) (Etzkowitz, 2008; Leydesdorff, 2012; Дежина, Киселева, 2008). Партнерские взаимодействия ведущих институциональных секторов не просто способствуют скорейшему освоению новых технологий, но и, что гораздо важнее, создают и поддерживают механизмы саморазвития инновационной природы постиндустриальной экономики. В своей работе автор старается вычленить системные свойства институциональной коллаборации, новую логику институциональных взаимодействий.

Такие взаимодействия, в отличие от индустриального этапа развития, включают коллаборацию государства, науки и бизнеса как в национальном (по всем отраслевым производственным секторам, а также по регионам), так и в наднациональном масштабе, в результате сетевой уклад пронизывает все экономические пространства на макро- и микроуровне. Далее, инновационная деловая среда расширяется и углубляется не только и не столько за счет собственно технологических новшеств, которые можно успешно заимствовать, а благодаря расширению масштаба и повышению качества коммуникаций. Они позволяют совершать переходы между технологическими траекториями и быстро менять вектор и уровень развития (более детально такие структурные реформы рассмотрены в главе IV). Наконец, проясняется роль сетевой модели государственно-частного партнерства (public-private partnership). В индустриальной экономике такое партнерство было в основном формой

² Здесь речь не идет об «уходе государства из экономики». Напротив, новая конфигурация функций государства ведет к его укреплению, но уже в новом качестве и в новом формате.

целенаправленной концентрации ресурсов. В инновационной экономике акцент смещается на самоорганизацию и саморазвитие, коллаборацию без направляющей роли иерархического центра управления. Это сетевая партнерская среда, опирающаяся на механизмы координации совместного поиска эффективных инновационных решений. Тут следует вспомнить о зондирующих (пробных) бифуркациях И. Пригожина, о поиске «предпочтений системы» в процессе увеличения инновационного потенциала (Пригожин, Стенгерс, 1986).

Возникновение кластерных сетей

Столь популярные сейчас инновационные кластеры имеют разнообразное теоретическое и методологическое толкование (Шаститко, 2009). Кластерная идея заняла особое место в теории сетевых отношений и сетевых структур и хорошо укладывается в авторскую систему анализа инновационной экономики. Эта идея поддерживает один из главных аспектов сетевого уклада — институциональное переплетение отношений конкуренции и сотрудничества между рыночными субъектами. Отметим, что за последние два десятилетия она быстро эволюционировала от первоначальной трактовки М. Портера (особая организация взаимосвязанных компаний различных отраслей, направленная на повышение региональной конкурентоспособности) (Porter, 1990) до широко признаваемой формы организации, отвечающей инновационным требованиям постиндустриального развития. В результате сформировалось самостоятельное теоретическое понятие инновационного кластера (*innovation cluster*) (Hamdouch, 2007; Eriksson, 2010). Причем кластерная идея интегрировала в сетевые структуры не только участников рынка, но и государство. Появилась уникальная возможность объединить кластерные инициативы снизу с экономической политикой и программами государства (Смородинская, 2015. С. 74; Гл. IV). Анализ коллаборации в формате тройной спирали хорошо раскрывает сетевые эффекты кластеров (Смородинская, 2015. С. 77–79; Шаститко, 2009).

Гибкое институциональное сочетание кооперации и конкуренции в кластерах создает и поддерживает особый формат связей. В отличие от иерархических форм координации или закрепленных контрактами стабильных (жестких) рыночных взаимодействий, с помощью ИТ-коммуникаций можно осуществлять повседневное межличностное взаимодействие для организации и поддержания межфирменной координации, которая со временем может привести к формированию межфирменных цепочек создания стоимости, к взаимному пониманию «на равных». Складываются разнообразные конкретные механизмы коллаборации, возникает особая среда взаимосвязей участников кластера, основанная на доверии и открытом свободном общении. Сетевые кластерные отношения не только облегчают доступ к необходимым активам и технологиям, но и, что очень важно, обеспечивают перелив знаний между участниками, то есть создают основу для постоянных улучшений и усовершенствований. Это касается как производственных (продукты и процессы), так и непроизводственных (совершенствование бизнес-моделей) инноваций, которые быстро распространяются по всему кластеру (Смородинская, 2015. С. 100). Иными словами, возникает возможность без нарушения организационно-правовых форм участников гибко перегруппировывать ресурсы в любых комбинациях и по согласованию интересов. Неслучайно уникальные взаимные выгоды в кластерах в зарубежной литературе объясняются прежде всего преимуществами совместного производства и специализации (*co-production; co-specialisation*) (Смородинская, 2015. С. 101).

Для автора экономические преимущества кластеров заключаются, помимо прочего, в их природе как части сетевого уклада, обеспечивающего уникальные эффекты за счет факторов доверия, взаимной поддержки и взаимодополняемости. Но очевидный интерес представляют признаки самоорганизации, в результате возникают рыночные субъекты нового качественного уровня, который обеспечивается, прямо по Г. Хакену, за счет согласованного взаимодействия элементов, составляющих новое образование.

Таким образом, кластеры выступают своего рода материализацией идеи коллаборации и формирующегося сетевого уклада. Главная их особенность, как представляется, зарождение коллективного коллаборативного самоуправления (*collaborative governance*). Далее, в них получают развитие известные еще с индустриальных времен отношенческие контракты. Предусматриваемые ими неформальные договоренности становятся основной формой взаимоотношений и взаимозависимостей в кластерах. Соображения выгоды, конечно, не исчезают, но на первый план выдвигаются совместное, общее видение стратегии развития, практические задачи, решение которых согласовывается и координируется на основе взаимного доверия, понимания общности интересов и необходимости согласованных действий. При таком уровне взаимоотношений естественной и необходимой представляется открытость кластерных проектов для свободного присоединения новых участников. Этого настоятельно требуют инновационная природа кластеров, их нацеленность на сетевые эффекты (Смородинская, 2015. С. 118–120).

Новая роль государства

Опыт зрелых кластеров, наиболее полно воплощающих коллаборативные принципы тройной спирали, свидетельствует об изменении положения государственного участника инновационного альянса. Власть постепенно начинает играть по правилам отношенческого контракта и выступает в роли значимого, но равноправного звена кластерного проекта, наравне с другими его участниками (Смородинская, 2015. С. 120).

Эволюция роли государства в инновационной экономике становится более понятной при рассмотрении влияния и прямого воздействия кластерно-сетевого уклада на промышленную политику³. Основные теоретико-методологические и практические подходы к ней базируются на анализе модельных вариантов соотношения роли государства как регулятора, с одной стороны, и роли бизнеса как носителя развития и роста — с другой (Смородинская, 2015. С. 139–144).

Теория промышленной политики получила мощный импульс благодаря удачному японскому опыту середины XX в. Тогда в ряде стран практиковалась система партнерских согласований и взаимодействий властей с частным сектором. Все субъекты рынка для власти были равны, а ее задачей было направить их деятельность в нужное русло. Национальная политика реализовывалась в консенсусной институциональной среде. Характерно, что эта красивая модель (в литературе ее называют классической) оказалась не очень устойчивой. В условиях привычных управленческих стереотипов власти стало трудно ослаблять контроль и укреплять партнерство с бизнесом. Она довольно быстро перешла на традиционный путь селективного отбора и протек-

³ В зарубежной теоретической литературе проблемы организации и промышленной политики понимаются шире, чем в российской, и опираются на анализ источников рыночной власти и принципов регулирования.

ционизма: появились «национальные чемпионы», отрасли-«локомотивы» и прочие субъекты привилегированных заказов и избирательных льгот. И в самой Японии, и в других странах неминуемая монополизация рынков и селективная поддержка избранных немедленно обернулись «провалами» государства с неоправданными бюджетными тратами. Это относится и к знаменитым южнокорейским «чеболям», и к успешным «азиатским тиграм».

Мягкая, но неизбежная коррекция не заставила себя ждать. В 1990-е годы на смену идее невмешательства в функционирование рынка постепенно пришла логика создания рамочных условий более эффективного рыночного распределения ресурсов, причём для всей экономики, исключая селективные предпочтения. Выживать в новой институциональной среде должны были сильнейшие. Эта модель и была взята на вооружение большинством постсоциалистических стран, в том числе Россией. Расхожее утверждение тех лет: лучшая промышленная политика — это её отсутствие. Последствия практической реализации этой идеи в большинстве стран мы наблюдаем и по сей день. Между тем нужны были некие внятные ориентиры, которые могли бы привести в модель динамичность⁴.

Практически на наших глазах формируется модель промышленной политики, которой предстоит играть важную роль в инновационной постиндустриальной экономике. В научной литературе она получила определение системной (systematic industrial policy) (Смородинская, 2015. С. 143). В инновационной экономике любой институциональный «провал», рынка или государства, обязательно становится общим. В свою очередь, любое реформирование модели соотношения роли государства и бизнеса также должно быть системным. Государственное вмешательство вынужденно становится мягким и целевым, направленным на создание институциональной среды партнерских взаимодействий как внутри кластерных сетей, так и между ними. В такой среде коллаборация государства, науки и бизнеса создаст «критическую массу» эффективных рыночных агентов, главным образом инновационных кластеров, которые смогут обеспечивать постоянный самоподдерживающийся экономический рост (Смородинская, 2011; Warwick, Nolan, 2014). У государства появляется особая роль (пока еще не функция) — содействовать науке и бизнесу в поиске сетевых партнеров и совместных проектных идей (кластерных инициатив). Системную модель промышленной политики в той или иной модификации реализуют многие страны Северной Америки, Европы, Юго-Восточной Азии.

Изучение теоретической литературы и анализ деятельности наиболее продвинутых кластеров приводят к выводу о непрерывном улучшении общей среды экономических взаимодействий, иными словами, о создании сетевой организационной среды (Смородинская, 2015. С. 147–155). Основой устойчивого экономического роста при этом выступает институциональный режим, призванный направлять ресурсные потоки в сторону наиболее конкурентоспособных кластерных групп, а внутри самих кластеров — к наиболее эффективным и производительным компаниям. Производительность (автор опирается на теорию Портера) определяется качеством деловых взаимодействий. По Портеру, кластерно-сетевая среда позволяет сблизить понятия «рост производительности» и «инновативность», то есть способность непрерывно

⁴ Характерно, что статичная макроэкономическая ориентация преимущественно на эффекты снижения затрат (не в последнюю очередь под влиянием требований Вашингтонского консенсуса) частично компенсировалась теоретической активизацией на микроуровне, сдвигами в трактовке природы фирмы, форм рыночной координации. Широкое признание получили концепция динамических способностей, ресурсный подход, подход, основанный на знаниях, так называемые предпринимательские теории фирмы (Тамбовцев, 2010).

генерировать и коммерциализировать новые технологии, продукты и услуги (Porter, Stern, 2001).

Кластерно-сетевая среда как организационная основа современной промышленной политики связывает устойчивый экономический рост с постоянным развитием коллаборации, то есть с вовлечением в единые сети коммуникации органов власти, компаний реального сектора, научных и образовательных организаций. Кластерные проекты с конфигурацией тройной спирали автор считает наиболее удобным механизмом перехода экономики к инновационному росту (Смородинская, 2015. С. 161). В мировой практике есть уже немало успешных примеров кластерного подхода к модернизации промышленности (Смородинская, 2015. Глава IV, п. 4; глава V).

Теория исходит из того, что одной из основ формирования кластеров выступает создание производственных агломераций, имеющих устойчивую тенденцию к совместному размещению, межотраслевой характер и согласованную по целям и интересам стратегию развития. При этом подобные кластерные группы не должны создаваться «сверху», по воле властей. Прообразы кластеров должны быть протестированы самим рынком, возникать на основе добровольной кооперации игроков и опираться на внутренние стимулы к саморазвитию. Задача государства заключается в устранении барьеров, препятствующих зарождению и развитию новых кластерных инициатив (Смородинская, 2015. С. 162–163)⁵.

Зарубежный опыт и российские реалии

Автору монографии удалось собрать и проанализировать огромный материал об опыте формирования сетевой инновационной среды в странах Северной Европы (балтийские, Скандинавские страны, северные регионы Германии и Польши, другие географически близкие страны). Один из главных выводов, к которому приводит, например, исследование скандинавского опыта: более высокие темпы экономического роста достигаются за счет поддержания и поощрения непрерывного сетеобразования, взаимодействия возникающих сетей и кластеров и укрепления потенциала инновационной коллаборации (Смородинская, 2015. С. 198–199, 212). Успешный опыт развития и глобальной конкурентоспособности Балтийского макрорегиона послужил хорошей основой для возникновения контуров новой сетевой модели кооперации и многоуровневого партнерства, которой могли бы следовать и другие европейские страны (Смородинская, 2015. С. 216–217).

Возникает вопрос: как эти продуктивные идеи впишутся в российскую реальность? Как современные мировые тренды, скорее всего уже необратимые, можно учитывать и реализовывать в декларируемой политике модернизации, при формировании обновленной институциональной среды, в системе государственного управления? В заключительной главе автор пытается дать ответы хотя бы на часть возникающих вопросов (Смородинская, 2015. Гл. VI). Но, к сожалению, эти ответы — скорее пессимистичное признание либо очевидного отставания России от мировой траектории, либо существенного расхождения с ней. Если кратко, то эндогенной способности к саморазвитию и самоорганизации путем непрерывного информационного

⁵ «Золотые правила» кластерной политики, сформулированные Портером, стали общепринятыми стандартами в инновационной экономике именно благодаря синергетическим сетевым эффектам (Смородинская, 2015. С. 163; Porter, Ketels, 2009).

обмена и коллаборативного генерирования инноваций Россия все больше противопоставляет склонность к иерархической субординации, рост взаимного недоверия, информационную закрытость, сжатие конкурентного пространства и усиление монополизма.

По сравнению с мировыми трендами «противоходов» в России много. Один из главных — снижение возможности развивать горизонтальные связи и взаимодействие, в которых, собственно, и нет необходимости в условиях укрепления властной и управленческой вертикали, утраты даже тех небольших коммуникационных подвижек, которые успели сформироваться в 1990-е годы, и перехода к «ручному» режиму управления со стороны государства. Усиливается ползучее огосударствление экономики (напомним об участии в приватизации некоторых фактически государственных компаний). Это можно расценить как снижение возможности развивать горизонтальные связи по типу тройной спирали, сокращение пространства коллаборации, утрату среды и инструментов саморегулирования и саморазвития (Сморodinская, 2015. С. 238–239). На региональном уровне расхождение с мировыми трендами еще заметнее: вместо расширения управленческой самостоятельности, поощрения кластерных проектов регионы, с одной стороны, все больше подчиняются центру, а с другой — все сильнее разобщаются (Сморodinская, 2015. С. 241). В России под улучшением институциональной среды понимается, как правило, совершенствование функционирования действующих и создание новых экономических и общественных институтов. Формирование и коммуникация специфических институциональных пространств государства, науки и бизнеса (тройные спирали) вообще не принимаются в расчет. К этому следует добавить высокую дифференциацию производственных секторов по уровню инновационного и технологического развития, а также социальную дифференциацию как результат дискриминации отдельных групп в плане доступа к выработке и реализации инновационной политики (Сморodinская, 2015. С. 247).

Хотя в России в принципе есть понимание ситуации и прикладываются определенные усилия, направленные на модернизацию национальной инновационной системы, эффективное вовлечение в нее бизнеса и построение партнерских отношений с государством, но в реальности организация инновационной политики остается такой же архаичной, как и несколько десятилетий назад. Автор вынужден признать, что инновационная политика остается прерогативой подразделений нескольких ведомств и правительственных структур с небезвозмездным участием отдельных госкорпораций. Фрагментарность структуры такой системы с размытыми организационными контурами, примитивными обратными связями, отсутствием конкретной ответственности за выработку и реализацию решений, как показывает автор, противоречит и мировой практике, и интересам России. Можно сослаться и на оценки Индекса экономики знаний Всемирного банка, и на Глобальный индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ), свидетельствующие о том, что Россия не сумела использовать свои уникальные конкурентные преимущества: наличие богатых природных ресурсов, емкий внутренний рынок, в целом образованное население и, главное, высокий инновационный потенциал (Сморodinская, 2015. С. 248–252; Кетельс, 2014).

Отметим, что в России, например, роль кластеров для инновационного развития подчеркивается во всех правительственных документах по стратегии и росту экономики. Инновационные кластеры и у нас рассматриваются в качестве одного из ключевых механизмов пространственного регионального раз-

вития⁶. Но, в отличие от других стран, в России новейшие понятия передовой инфраструктуры и форм организации производства подвергаются своего рода политизации, порой используются лишь как модный бренд. Само понимание передовых мировых практик в России нередко теряет первоначальное значение, подстраивается под специфические условия страны (Смородинская, 2015. С. 261–264)⁷. В российской деловой среде доминируют монополизированные структуры, вертикальные иерархические связи и сопряженный с высокими рисками несовершенный правовой порядок защиты собственности.

Долгосрочный негативный тренд в российской экономике, с ухудшением всех макропоказателей, можно, конечно, назвать «новой нормальностью», можно частично списать его на эффект западных санкций и российских контрсанкций. Многие уважаемые эксперты считают, что в сложившейся ситуации может оказаться целесообразным мобилизационный сценарий развития. Автор последовательно отстаивает мысль о том, что перелом негативного тренда в любом случае будет зависеть от системной трансформации, опирающейся на структурные реформы (Смородинская, 2015. С. 287–292). Контуры такой реформы уже очерчены мировым опытом, а он не имеет ничего общего с консервацией старых производств и старой структуры и представляет собой своего рода новую индустриализацию. Автор ссылается на разработки ВЭФ, связывающие улучшение перспектив реиндустриализации с отказом от переноса реального промышленного производства в развивающиеся страны, с возвращением в развитые страны инвестиций ведущих промышленных компаний и с соответствующим увеличением в структуре ВВП доли обрабатывающей промышленности.

Для России, помимо прочего, подобный вектор развития предполагает еще один параметр — развитие цепочек создания стоимости. Но наша страна пока включена в глобальные цепочки лишь по линии экспорта сырья и импорта инвестиционного оборудования. Промышленные производства нового поколения могут возникать и развиваться только на базе активизации вырастающих снизу, самоорганизующихся сетевых структур, прежде всего кластеров и кластерных сетей, способных стать узлами глобальных цепочек создания стоимости. Автор даже делает рискованное заключение о том, что «кто вошел в глобальные сети, периферией уже не является» (Смородинская, 2015. С. 318). Россия по показателю развития таких цепочек в Глобальном индексе конкурентоспособности ВЭФ занимает лишь 96-е место, что значительно хуже даже большинства развивающихся стран (Смородинская, 2015. С. 291)⁸. По Индексу готовности к сетевому миру, ежегодно рассчитываемому

⁶ См., например, Поручение Председателя Правительства РФ от 28.08.2012 г. № ДМ-П8-5060.

⁷ Приведем свежий пример. Популярное в зарубежной литературе и практике организации инновационной деятельности понятие «экосистема» описывает эволюцию характера взаимодействий экономических агентов, их инновационной активности и взаимоотношений с предпринимательской средой. Смысл появления и существования экосистемы диктуется снизу, определяется интересами и возможностями взаимодействующих экономических агентов. Экосистема — это сетевое сообщество. Как стало известно, Сбербанк России предполагает построить на базе своих ресурсов и инфраструктуры «национальную экосистему» по аналогии с крупнейшими мировыми компаниями в сфере интернет-коммерции. Трудно сказать, насколько близка будет такая система к сетевому сообществу по интересам, к сетевым эффектам коллаборации, но она определенно станет мощным средством подавления конкуренции, причем при поддержке властей (Коммерсантъ. 2016. 7 нояб.).

⁸ Такая в целом адекватная оценка автором места России в глобальных цепочках создания стоимости не должна, однако, создавать совсем безнадежную картину. Проведенное ЕЦБ в 2016 г. исследование таких цепочек показало, что за счет роли России в поставках энергоносителей в мировой торговле она смогла войти в число ключевых стран. Сырьевой компонент и соответственно сырьевой экспорт обеспечивают нашей стране достаточно большую вклю-

с 2002 г., Россия в 2014 г. занимала 50-е место в рейтинге из 148 стран (Бобылев и др., 2015). Пока вертикальные связи и иерархические структуры организации в российской экономике доминируют.

Контуры промышленной политики на ближайшие годы это лишь подтверждают⁹. Автор указывает, что и в будущем предполагается разрабатывать промышленную политику исключительно сверху, без диалога государства с бизнесом и научными организациями, и координировать ее цели и средства в формате властной вертикали, исключая самостоятельные горизонтальные взаимодействия. Инновационный прорыв представляется как дополнительное создание в промышленности высокотехнологичного сектора (обслуживающего преимущественно «оборонку»). Равный доступ к ресурсам в условиях монополизированной промышленности и ее иерархической организации, монополизированных рынков и ограниченных международных связей, отсутствия и прямого подавления конкуренции невозможно представить (Смородинская, 2015. С. 292–296).

* * *

Книга Смородинской — одна из немногих в нашей экономической науке, так последовательно и убежденно устремленная в будущее. Вместе с тем именно тут таится опасность невольного отрыва от действительности, причем не только российской. Да, несомненно, мир постепенно освобождается от засилья жестких вертикальных конструкций и иерархически управляемых корпораций. При этом сетевые формы встраиваются в пространство между институциональными средами иерархий и свободного рынка. И каждая из них решает свои задачи. Увлечение и даже переоценка роли сетевого уклада может привести к не совсем корректным выводам. Так, вызывает сомнение тезис о неизбежной десувверенизации власти и размывании правомочий государства. В современном турбулентном мире у суверенных государственных и хозяйственных структур, наоборот, усиливается важная функция защиты, юридической и институциональной.

Далее, противопоставление сетевого уклада глобальной экономики традиционным для индустриального развития структурам, институтам и методам управления должно иметь разумные границы. Конечно, они будут меняться в экономике знаний, но в обозримом будущем компании, во всем своем разнообразии, скорее всего, останутся основной единицей наблюдения и анализа. Однако и в процессах согласования интересов, и при любых вариантах коллаборации должны учитываться и соблюдаться права собственности, а каждая форма взаимодействия и сотрудничества имеет свой юридический аспект. В России, во всяком случае, право собственности на любые активы остается первичным при любых организационных перестройках и взаимодействиях. Придется еще долго и мучительно выработать конкретные механизмы сотрудничества, обеспечивающие согласование интересов коллаборантов. Кстати, было бы интересно ознакомиться с практикой таких согласований в глобализированной экономике. Неслучайно автор отмечает отсутствие регулярной информации о развитии, например, внутреннего устройства кластеров и реальных механизмах стимулирования коллаборации (Смородинская, 2015. С. 112). Без такой ясности невозможно понять тайну зарождения, развития и формирования сетевого уклада.

ченность в мировую экономику, несмотря на относительно невысокую и даже снижающуюся долю в мировом ВВП (Коммерсантъ. 2016. 7 июля).

⁹ Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Список литературы / References

- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение. [Boltansky L., Chiapello E. (2011). *The new spirit of capitalism*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).]
- Гарретт Б., Дюссож П. (2002). Стратегические альянсы. М.: ИНФРА-М. [Garrett B., Dussozh P. (2002). *Strategic alliances*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).]
- Дежина И. Г., Киселева В. В. (2008). Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП. [Dezhina I. G., Kiselyova V. V. (2008). *The state, science and business in the innovation system of Russia*. Moscow: Institute for the Economy in Transition. (In Russian).]
- Бобылев Г. В., Валиева О. В., Кравченко Н. А., Федоров А. А., Халимова С. Р. (2015). Россия в зеркале международных рейтингов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. [Bobylev G. V., Valieva O. V., Kravchenko N. A., Fedorov A. A., Khalimova S. R. (2015). *Russia in the mirror of international ratings*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS. (In Russian).]
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. [Castells M. (2000). *The information age: Economy, society and culture*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Кастельс М. (2016). Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. [Castells M. (2016). *The power of communication*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Кетельс К. (2014). Глобальная кластерная политика: текущая деятельность, уроки недавней истории и значение для России. VIII Самарский межрегиональный экономический форум, 11–12 сентября. [Ketels C. (2014). *The global cluster policy: Current activities, recent lessons of history and its importance for Russia*. Paper presented at the 8th Samara interregional economic forum, Samara, September 11–12. (In Russian).]
- Кропоткин П. А. (2007). Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование. [Kropotkin P. A. (2007). *Mutual aid as a factor of evolution*. Moscow: Samoobrazovaniye. (In Russian).]
- Олескин А. В. (2015). Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: Книжный дом «Либроком». [Oleskin A. V. (2015). *Net structures in biosystems and in human society*. Moscow: Librokom Bookhouse. (In Russian).]
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. [Prigogine I., Stengers I. (1986). *Order out of chaos. Man's new dialogue with nature*. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Полтерович В. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 5–23. [Polterovich V. (2016). Positive collaboration: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11. pp. 5–23. (In Russian).]
- Смородинская Н. В. (2011). Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. Т. 150, № 4. С. 66–78. [Smorodinskaya N. V. (2011). The triple helix as a new matrix of economic systems. *Innovations*, Vol. 150, No. 4, pp. 66–78. (In Russian).]
- Смородинская Н. В. (2015). Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН. [Smorodinskaya N. V. (2015). *The globalized economy: From hierarchies to net structures*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian).]
- Тамбовцев В. Л. (2010). Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. Т. 8, № 1. С. 5–40. [Tambovtsev V. L. (2010). Strategic theory of firm: The state and possible development. *Rossiyskiy Zhurnal Menedzhmenta*, Vol. 8, No. 1, pp. 5–40. (In Russian).]
- Шаститко А. Е. (2009). Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. Т. 2, № 2. С. 9–31. [Shastitko A. E. (2009). Clusters as a form of spatial organization of economic activity: Theory and empirical observations. *Baltiyskiy Region*, Vol. 2, No. 2, pp. 9–31. (In Russian).]

- Drucker P. F. (2001). The next society: A survey of the near future. *The Economist*, Vol. 361, No. 8246, November 3–9, pp. 3–20.
- Eriksson A. (2010). Cluster collaboration and glocalised value creation. In: A. Eriksson (ed.). *The matrix – post cluster innovation policy*. Stockholm: VINNOVA, pp. 7–22.
- Etzkowitz H. (2008). *The triple helix: University-industry-government innovation in action*. London: Routledge.
- Gloor P. A. (2006). *Swarm creativity: Competitive advantage through collaborative innovation networks*. New York: Oxford University Press.
- Hamdouch A. (2007). *Clusters and networks*. Paper presented at the 19th EAEPE Conference, Universidade do Porto, Portugal, November 1–3.
- Leydesdorff L. (2012). The triple helix, quadruple helix, ..., and an n-tuple of helices: Explanatory models for analyzing the knowledge-based economy? *Journal of the Knowledge Economy*, Vol. 3, No. 1, pp. 25–35.
- Porter M. E. (1990). *The competitive advantage of nations*. New York: Free Press.
- Porter M. E., Stern S. (2001). Innovation: Location matters. *MIT Sloan Management Review*, Vol. 42, No. 4, pp. 28–34.
- Porter M. E., Ketels C. H. M. (2009). Clusters and industrial districts: Common roots, different perspectives. In: *A handbook of industrial districts*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Thomson A. M., Perry J. L. (2006). Collaboration processes: Inside the black box. *Public Administration Review*, Vol. 66, No. s1, pp. 20–32.
- Warwick K., Nolan A. (2014). Evaluation of industrial policy: Methodological issues and policy lessons. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, No. 16.
-

Towards a new organization of society and economy (On the book by N. V. Smorodinskaya “The globalized economy: From hierarchies to net structures”)

Marina Deryabina

Author affiliation: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia). Email: deryabina.marina@rambler.ru

The paper overviews the basic ideas of the book by N. V. Smorodinskaya. It focuses on some definite as well as still not so definite changes in world public and economic structures. The main vector of the research is reorganization of today's public and economic structures and establishing a net structure on this basis. The author follows these processes beginning with the first steps of forming a net structure. She examines the logic of changes of rigid hierarchical models of management and coordination of the free market for horizontal and net forms of organization. A new institutional space rests upon developed net interactions. Two main trends are in the focus of the author's attention. First, collaboration phenomenon on all the levels of economy including so called “triple helix”, i.e., collaboration of the state, science and business. Second, cluster nets, i.e., organization and management of collaboration. The cluster-net approach in industrial policy all over the world and topicality of such approach for modernization of Russian economy are presented in the monograph too.

Keywords: hierarchical structure, net structure, collaboration, cluster nets, innovational ecosystem, horizontal ties.

JEL: F230, F290, L100, L220, L500.